

И.Г. Минервин

**ПРОБЛЕМА РЕСУРСОВ: ДАРЫ ПРИРОДЫ
И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР**

Богатство и нищета ресурсной экономики

В рассуждениях о месте России в глобальной экономике особое место, безусловно, принадлежит проблеме ресурсов. Сейчас в средствах массовой информации нередко можно встретить обсуждение вопроса о преимуществах и недостатках ресурсного богатства под различными углами зрения, в том числе миграции иностранной рабочей силы в Россию. Думается, что этот вопрос чрезвычайно важен, и его следует решать с учетом экономических последствий в широком контексте. Каково экономическое значение богатства и дешевизны ресурсов, в том числе ресурсов труда, для России, усиливают или ослабляют эти факторы ее конкурентоспособность?

Мировая дискуссия о роли ресурсов идет не первый день, и вопрос о том, что представляет собой для экономики обилие природных ресурсов – «благо или проклятие», по всей видимости, окончательно не решен. Не все страны оказываются способными пользоваться реальными выгодами богатства природных ресурсов, возможны и потери. Обзор имеющихся данных показывает, что опыт богатых ресурсами стран весьма неоднороден. Одни сумели использовать это богатство в целях экономического развития, другие, напротив, потерпели поражение. Тем не менее очевидно, что ресурсное богатство представляется благом, но, во-первых, при условии эффективной экономической политики, качественного управления на всех уровнях, развития правовой системы, защиты интеллектуальной собственности и т.д. и, во-вторых, что особенно важно для России, – если природные ресурсы являются дополне-

нием к ресурсам интеллектуальным и ресурсам качественного труда (о чём речь несколько ниже).

Среди аналитиков существует мнение, согласно которому страны БРИКС (а в этой группе, как известно, входит и Россия) имеют наилучшие в сравнении с ведущими индустриальными странами перспективы экономического роста благодаря таким факторам, как изобилие природных ресурсов, масштабный и дешевый рынок рабочей силы, высокий уровень прямых иностранных инвестиций. Спорность такого суждения подтверждается тем фактом, что, как показывает опыт промышленно развитых и новых индустриальных стран, устойчивое экономическое развитие связано с технологическими инновациями, активизирующими и синхронизирующими развитие ресурсного и человеческого потенциала, т.е. от синхронного развития инновационных процессов и процессов развития институциональных систем. Сотрудники Токийского технологического института К. Яо, Ч. Ватанабе и Й. Ли назвали такую синхронизацию процессов общественного развития «коэволюционной динамикой» (42, с. 9).

Иначе говоря, освоение инноваций и новых технологий зависит от системы институтов, сложившихся в экономике, обществе, культуре, государственной политике страны. Поэтому практически для всех стран важно, чтобы инновации сопровождались развитием институциональных систем, т.е., по сути, модернизацией формальных (правовые положения и нормы) и неформальных (ценности и нормы поведения) институтов и форм их реализации.

Обилие и разнообразие ресурсов не только дает возможность, но и делает необходимой интенсификацию инновационных процессов. Но на них влияет и характер национальной экономики, ее масштабы, уровень развития, институциональная структура. Более высокий уровень экономического и демографического развития, в том числе уровень образования и доходов, структура населения, квалификация рабочей силы и т.д., и соответствующие факторы рынка стимулируют инновации и предоставляют необходимые ресурсы.

Исследователи этой проблемы, в частности, отмечают, что наличие месторождений нефти или других природных ресурсов далеко не всегда ведет к богатству и процветанию. Нередко обладание природными богатствами приводит к ожесточенным политическим конфликтам и длительным экономическим спадам. Для объяснения того факта, что страны, наделенные богатыми природными ресурсами, зачастую отстают в экономическом развитии и

даже стагнируют, были выдвинуты концепции «голландской болезни» и «ресурсного проклятия»¹.

Многие свидетельства говорят о том, что изобилие ресурсов вызывает повышение реального валютного курса, деиндустриализацию, а в крайнем выражении – эрозию стимулов к эффективности хозяйствования и к самому труду. Таковы проявления «голландской болезни», которая ведет, таким образом, к ухудшению перспектив экономического роста, причем ее отрицательные последствия более суровы в нестабильных странах при слабых общественных институтах и неразвитой финансовой системе, а также в условиях коррупции и отсутствия господства права. Низкая эффективность использования природных ресурсов может являться следствием отсутствия эффективных прав собственности и высокого уровня трансакционных издержек. Согласно некоторым гипотезам, бум ресурсов усиливает воровство, погоню за рентой и ведет к гражданским конфликтам, особенно при слабых институтах, усиливает коррупцию, особенно в недемократических странах, способствует сохранению неэффективных мер и политики.

Однако есть и примеры положительных последствий ресурсного изобилия, среди которых фигурируют, прежде всего, Норвегия, а также Саудовская Аравия, некоторые страны Латинской Америки и даже Африки. Богатым ресурсами странам с сильными общественными институтами, открытой экономикой и высокими уровнями инвестиций в технологии добычи удается пользоваться плодами своего природного богатства. Сопоставление опыта различных стран – экспортеров природных ресурсов показывает, что условием для преодоления ресурсного проклятия является обеспечение справедливого распределения благ, проистекающих из обладания значительными природными богатствами (8).

Более ценные ресурсы, как правило, располагают более точными правами собственности, поскольку выгоды, вытекающие из определения и охраны прав, оказываются более значительными, чем связанные с этими действиями затраты. Более четкое формализованное определение прав собственности стимулирует инвестиции в добывающие отрасли. Есть данные, позволяющие выдвинуть гипотезу о превращении ресурсного проклятия в благодеяние благодаря факторам трансакционных издержек и применения прав собственности. Так, если транспортные издержки высоки по отношению к стоимости промышленных изделий, дополнительные

---

¹ Подробнее см. (5).

ресурсы снижают внутренние цены на сырье для промышленности, давая тем самым отечественному производству сравнительное преимущество. Историческим примером могут служить автомобильные компании Детройта, имевшие дешевый доступ к железной руде.

Эмпирические данные указывают на отрицательную корреляцию между показателями экономического роста и долей природных ресурсов в товарном экспорте, однако это не говорит о причинно-следственной связи. Зависимость от природных ресурсов может нанести вред экономике и помимо снижения темпов роста. Так, данные по странам – экспортёрам нефти показывают, что ресурсная зависимость ассоциируется с меньшими объемами прочего экспорта и прямых иностранных инвестиций. Анализ данных, проведенный по 87 странам, позволяет сделать вывод, что ресурсное богатство ассоциируется с меньшей открытостью для внешней торговли и иностранных инвестиций, что также может отрицательно сказаться на перспективах роста. Согласно другой выборке по 85 странам, доля природных ресурсов в национальном богатстве отрицательно коррелирует с показателем валового объема внутренних инвестиций в процентах к ВВП и уровнем развития финансовой системы (по показателю денежного агрегата M_2 по отношению к ВВП). Кроме того, в большинстве случаев имеет место отрицательная корреляция между ресурсной зависимостью и числом учащихся всех уровней и объемом государственных расходов на образование, тогда как между образованием и ростом имеется положительная корреляция. Наконец, наблюдается положительная корреляция между ресурсной зависимостью и макроэкономической нестабильностью, а также отрицательная корреляция между нестабильностью и ростом (38, с. 371). Таким образом, результаты исследований показывают, что ресурсная зависимость подавляет рост по многим направлениям.

Первичное сырье – наименее выгодный во всех отношениях экспортный товар, поскольку представляет собой по большей части невозобновляемый природный ресурс с минимальным включением добавленной стоимости. Здесь действует простое правило: с точки зрения участия в мировой торговле всегда более выгоден как можно более полный цикл обработки первичного сырья и производства конечного продукта. С точки зрения специализации производства с учетом потребностей мирового рынка выгоднее тот товар, в стоимости которого более значительна доля воспроизводимых ресурсов, прежде всего труда, и добавленной стоимости.

Выигрывает экономика, которая экспортирует больше товаров, имеющих в составе своей стоимости большую долю добавленной стоимости, а не первичных ресурсов. Лесоматериалы лучше, чем древесина, бензин лучше, чем нефть, металл лучше, чем руда, машины лучше, чем металл, – это известно всем. Чем больше глубина обработки первичного сырья, чем больше в продукте добавленной стоимости, тем лучше, выгоднее. Экспортировать добавленную стоимость – это значит экспортировать неограниченный возобновляемый ресурс. Фактически выгоднее всего экспортировать такие товары, как продукты интеллектуального труда. И эти обстоятельства должны безусловно учитываться в промышленной политике. Задача состоит в том, чтобы стремиться постоянно повышать степень обработки первичного сырья, например от металла к конструкционным изделиям, от деталей к узлам, от комплектующих к готовым продуктам конечного потребления.

С.Ю. Глазьев напоминает, что «ловушка сырьевой специализации экономики заключается в неэквивалентном внешнеторговом обмене вследствие “ножниц цен”, которые существуют между ценами на сырьевые товары, формируемыми на основе глобальной рыночной конкуренции, и ценами на готовые изделия, которые удерживаются завышенными на величину интеллектуальной ренты в силу монопольного обладания соответствующими технологиями их производства. Втягиваясь в сырьевую специализацию, та или иная страна попадает в ловушку воспроизводящегося обмена принаследлежащей ей природной ренты с невосполнимых месторождений природных ресурсов на интеллектуальную ренту в цене импортируемых готовых изделий, финансируя научно-технический прогресс за рубежом и содействуя тем самым расширению “ножниц цен”, подрывая одновременно свой ограниченный ресурсно-производственный потенциал» (2, с. 414).

Позиции стран – экспортёров минерального топлива и других природных ресурсов уязвима хотя бы потому, что несмотря на их удорожание доля этих стран в мировом экспорте в основном стабилизировалась либо снижается, тогда как доля стран, экспортирующих готовые изделия и полуфабрикаты, существенно увеличилась. В конкурентной борьбе на мировом рынке всегда выигрывают те, кто поднимает производство, основанное на перспективных технологических укладах и дающее продукты, научно-емкие и насыщенные инновациями.

Согласно расчетам национального богатства и элементов природного капитала как его составляющих, проведенным Все-

мирным банком по 120 странам на 2000 г., доля природного капитала в совокупном богатстве значительно больше в бедных странах, тогда как доля неосязаемого капитала – в богатых. Вместе с тем более богатые страны имеют существенно более высокий показатель стоимости природного капитала на душу населения, несмотря на низкую его долю в совокупном богатстве. Этим подтверждается известный вывод экономических исследований о том, что неосязаемый капитал представляет основной источник роста и богатства.

Данные Всемирного банка показывают, что более бедные страны в большей мере зависят от земельных ресурсов (более двух третей национального богатства в странах с низким уровнем доходов). В 10 наиболее богатых странах доля природного капитала в совокупном богатстве не превышает 3% (кроме Норвегии, где она составляет 12%), тогда как в 10 беднейших странах она превышает 30%. Некоторые богатые ресурсами страны, такие как экспортёры нефти, имеют даже отрицательный показатель доли неосязаемого капитала в совокупном богатстве. Это означает, что такие страны имеют крайне низкие показатели валового национального дохода и эффективности производственного и неосязаемого капитала и, следовательно, могут поддерживать очень низкий уровень душевого потребления, что служит явным проявлением ресурсного проклятия (38, с. 373).

Исследователи указывают на многообразные проявления ресурсного проклятия. Богатство минеральных ресурсов может препятствовать перераспределению политической власти в направлении средних классов и, таким образом, блокировать принятие политики, стимулирующей рост. Ресурсное богатство ухудшает качество общественных институтов, поскольку оно дает возможность правительству успокаивать недовольства, избегать подотчетности, препятствовать модернизации, откупаться от политических противников, предоставлять неэффективные субсидии и налоговые подачки, особенно в условиях отсутствия подотчетности и компетентности государства. В таких условиях для политических элит оказывается привлекательным блокировать технологическое и институциональное развитие, поскольку оно может ослабить их власть.

В зависимости от того как ресурсная рента влияет на устойчивость власти, она может послужить положительным или отрицательным стимулом для инвестирования в активы, полезные для роста (например, в укрепление законности, развитие инфраструк-

туры), поэтому эффекты ресурсов с точки зрения экономических достижений оказываются в высшей степени немонотонными. С одной стороны, если ресурсный бум повышает ценность сохранения власти, это стимулирует ее к расширению непродуктивных видов деятельности, раздаче привилегий, что означает вклад в ресурсное проклятие. С другой стороны, использование даров природы для повышения благосостояния граждан превращает эти дары в благодеяние.

Ресурсное процветание, считает сотрудник ряда европейских научных центров Ф. Плоэг, стимулирует продуктивных предпринимателей к переключению на рентоориентированное поведение. Так проявляется различие между странами с институтами, благоприятствующими производству, и прочими странами, институты которых способствуют присвоению ренты. Если институты сильны и стимулируют продуктивное предпринимательство, то прибыли таких предпринимателей растут, растет и их число. Если институты слабы, правовая система не функционирует, уровень транспарентности низок, то высокий доход приносят рентоориентированное поведение, недобросовестные приобретения, теневые сделки, коррупция, преступность и т.п. Тогда ресурсное богатство порождает больше людей, занятых такой деятельностью, сокращает число продуктивных предпринимателей, ведет к падению прибылей и ухудшению экономических показателей. Зависимость от нефтяных и других ресурсов препятствует демократии и снижает качество управления. Эти выводы подтверждаются эмпирически на основе межстрановых сравнений и корреляционного анализа по соответствующим выборкам.

Опыт показывает, что хищническая политика правительства, направленная на извлечение максимума возможного, побуждает добывающие компании скрывать информацию и доходах и снижает их эффективность. Эмпирическое обследование, охватившее 51 страну, показало отрицательное влияние риска экспроприации на корпоративную транспарентность, и это влияние наиболее сильно в отраслях, прибыли которых сильно коррелируют с ценами на нефть. Прозрачность страдает там, где уровень цен на нефть высок, а защищенность прав собственности низка (38, с. 407).

Еще одним фактором воздействия ресурсного богатства на экономику является волатильность мировых цен на сырье, связанная с объемом экспорта и темпами роста производства. Эмпирические данные показывают, что последствия ресурсной зависимости вызываются цикличностью и связанными с ней колебаниями то-

варных цен, которые, в свою очередь, ведут к росту задолженности и долговому кризису. Ресурсные доходы отличаются высокой неустойчивостью, поскольку предложение ресурсов характеризуется низкой ценовой эластичностью. Голландская болезнь вызывает также колебания реального валютного курса и, следовательно, ведет к снижению инвестиций в физический и человеческий капитал и к дальнейшему снижению темпов роста производительности. Ф. Плоэг в связи с этим указывает на важность использования так называемого «правила Хотеллинга» (Hotelling rule), согласно которому коэффициент прироста предельной ресурсной ренты должен равняться мировой процентной ставке. Отсюда вытекает, что богатым ресурсами странам следует придерживаться принципа заимствований на основе «предвидения лучших времен», т.е. с учетом тенденций повышения мировых цен на ресурсы и совершенствования технологий добычи (38).

Таким образом, очевидный вывод состоит в том, что богатые природными ресурсами страны должны инвестировать ренту, получаемую за счет этих ресурсов, в воспроизводимые активы – физический капитал, человеческие ресурсы, инфраструктуру и зарубежные активы. Вместе с тем для развитых стран оптимальный подход может состоять в помещении части доходов в государственный резервный фонд. Развивающимся странам, нередко испытывающим дефицит капитала, специалисты рекомендуют использовать дары природы для погашения задолженности и снижения процентных ставок, с тем чтобы стимулировать накопление частного и отечественного капитала и ускорить процесс экономического развития. При этом необходим перспективный подход к технологическим инновациям в области разведки природных ресурсов и поиска новых запасов.

При всем том на международной арене существуют силы и интересы, которые отводят развивающимся странам в рамках сложившихся отношений роль сырьевого придатка, стремятся навязать им «доктрину рыночного фундаментализма». Ясно, что реализация такой политики ведет к деиндустриализации экономики, свертыванию наукоемких технологий, «приведению правового и экономического пространства страны в соответствие с интересами транснационального капитала» (2, с. 415). Экономическая политика должна, таким образом, учитывать эти объективные тенденции и противопоставить им национальные интересы, как и интересы интеграционных объединений, в которые входит страна.

В то же время при беспристрастном подходе нельзя не заметить известную предопределенность роли России в основном в качестве сырьевого приданка мировой экономики, которую необходимо преодолеть. Это положение объективно определяется гео-экономическими и ресурсными факторами, но ни в коей мере не исключает возможности благоприятного развития передовых и наукоемких инновационных производств, что требует особого подхода и особой политики.

Как замечает С. Алексашенко, Россию можно рассматривать как монопроизводителя сырьевых ресурсов, поскольку она является поставщиком сырья и первичных продуктов для мировой экономики, на которые в целом приходится 85% экспорта. Углеводороды – основа российской внешней торговли. Их доля в экспортных доходах постоянно росла: с 50% в 2000 г. до 67% в первой половине 2008 г. В 2010–2011 гг. доля углеводородов составляла 63,5–65,0%. При этом доля углеводородов в ВВП (17–19%) остается практически стабильной в течение последних 11 лет. В тот же период доля экспорта других продуктов заметно снизилась – от 20% в 2000 г. до менее 10% в 2008–2011 гг. Параллельно рос импорт, хотя его доля в ВВП с 2000 г. была стабильной (17–18%). Сальдо торгового баланса России остается положительным, но оно сократилось с 23% ВВП в 2000 г. до 10% в 2010–2011 г. Без учета углеводородов торговый баланс дефицитен. И этот дефицит растет и достиг 7,5–8,0% ВВП в 2010–2011 гг. Такое положение терпимо при росте цен на нефть, но при их стабилизации, не говоря уже о падении, сальдо текущих операций платежного баланса быстро сократится (32, с. 11).

Согласно исследованию Национального института экономических и социальных исследований Великобритании (National Institute of Economic and Social Research), в экономике России наметились тенденция сокращения профицита торгового баланса и движение в сторону опоры на внутренние источники роста. В перспективе ожидается развитие тенденции к замещению импорта и расширению внутреннего спроса. Ситуация вынужденная: если, согласно расчетам Института, в настоящее время возрастание нефтяных цен на 10 долл. дает России прирост ВВП на 0,5 процентных пункта, то к 2014 г. отрицательная динамика цен будет влиять на темпы роста ВВП в сторону понижения (41, с. F19).

Такое положение вполне признается правительством. Как отмечалось в бюджетном послании Президента 2012 г., являющемся ориентиром для планирования госфинансов на предстоящие

три года, одной из главных нерешенных проблем российской экономики является высокая степень зависимости бюджета от ситуации на мировых сырьевых рынках. До кризиса ненефтегазовый дефицит федерального бюджета составлял порядка 2–3% ВВП, но в 2010 г. этот показатель составил 12,6% ВВП, в 2011 г., правда, сократился до 9,7% ВВП. Поэтому правительство ставит задачу в ближайшее время сократить ненефтегазовый дефицит бюджета до 7–8% ВВП и в дальнейшем выйти на 5%-ный уровень (20).

Преобладание энерго-сырьевого комплекса в экспорте неизбежно оборачивается замедлением роста производства обрабатывающих отраслей, ослаблением стимулов к обновлению производственных мощностей, а главное – стимулов к инновациям, указывает Е.А. Лебедева. Одновременно увеличивается зависимость страны от импорта (в 2010 г. он рос в 3 раза быстрее, чем экспорт), что сопровождается дефицитностью бюджета, ослаблением платежного баланса, инфляцией и т.д. (17, с. 24).

Как подчеркивается в докладе экспертов по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020», экономика должна уйти от зависимости от экспорта сырьевых ресурсов не только из-за непостоянных цен на них, но и потому, что в противном случае Россия обречена на все большее технологическое и институциональное отставание. Эксперты считают, что постоянное перераспределение средств из сырьевого сектора с низкой занятостью в низкоэффективные сектора с высокой занятостью приводит к гипертроированной роли государства в экономике, подавлению и искажению рыночных стимулов (27).

Россия больна «голландской болезнью» серьезно и давно, унаследовав ее еще со времен Советского Союза, кризиса многих отраслей, особенно сельского хозяйства и массового импорта зерна. Для российской экономики нет ресурсной проблемы, и это касается как материальных, так и трудовых ресурсов. Нефть, газ, гидроресурсы, рудные ископаемые изобилуют, открываются новые. И каждый раз кажется, что вот уже настало время засучить рукава и начать работать по-серьезному, но нет, нам опять сулят новые месторождения, теперь где-нибудь в Северном Ледовитом океане или непроходимой тайге с вечной мерзлотой и полным бездорожьем. Начинаются масштабные мероприятия, направленные на то, чтобы завладеть этими ресурсами, выделяются новые миллиарды на их освоение, вместо того чтобы инвестировать в передовые технологии, позволяющие их экономить.

Вопреки ломоносовскому утверждению о Сибири как источнике будущего приращения богатства России сегодня следовало бы отнестись к географическим характеристикам страны с большей осторожностью. Дело в том, что требования к качеству жизни на протяжении веков неизмеримо выросли, тогда как, по сути, большая часть ее территории вообще непригодна для проживания человека, здесь с учетом возросших требований труд может быть организован только вахтовым способом и в весьма ограниченных масштабах. Куда выгоднее жить и трудиться там, где для этого есть хотя бы минимальные условия, и это необходимо учитывать.

С.Ю. Глазьев задает вопрос, нужен ли России существующий мировой порядок? (2, с. 407) Вопрос существенный, но можно задать и встречный вопрос: нужна ли Россия с ее современной экономической структурой глобальной экономике и сложившемуся в ней международному разделению труда? Ведь потребность в энергетических и сырьевых товарах всегда относительна, поскольку они могут быть замещены альтернативными источниками и технологическими решениями.

Давно известно, что вложения в экономию ресурсов, в повышение эффективности энергопотребления приносят больший доход, чем те же вложения в разработку и освоение новых месторождений. Страны, идущие по этому пути, выигрывают по многим компонентам: снижают размер платы за нефть, развивают современные технологии, улучшают экологическую обстановку.

Целесообразность таких путей настолько очевидна, что вызывает недоумение только один вопрос – почему это не делается в России. Вероятный ответ заключается в том, что коррупционная машина проедания ресурсов запущена и набрала обороты, и теперь остановить ее у данного правительства нет ни сил, ни желания.

Многие импортеры нефти не одно десятилетие успешно работают над проблемой энергосбережения. Это выражается в снижении удельных затрат энергоносителей на единицу мирового ВВП, расширении использования новых отраслей энергетики. Так, еще в конце 1960-х годов ближневосточный, так называемый нефтяной кризис дал толчок автомобильной промышленности многих стран к разработке и применению экономичных двигателей, альтернативных источников энергии.

С 2006 г. развитые страны сокращают абсолютные объемы потребления нефти. Пока спрос в развивающихся странах перекрывает его сокращение в развитых, но общие темпы прироста потребления снижаются и, согласно прогнозам, составят в 2011–2020 гг.

0,7–0,9% в год вместо 1,4% в 2001–2010 гг. Текущий уровень цен на нефть держится благодаря квотированию добычи странами ОПЕК, но если спрос упадет, а добыча вне ОПЕК будет расти, цены неизбежно пойдут вниз. В ближайшие несколько лет сформируется единый мировой рынок газа, основой которого станет сжиженный газ, его доля к 2020 г. может достигнуть 75% мировой торговли, на долю трубопроводного останется всего 25%. Диктовать цены в таких условиях будет уже невозможно, они будут определяться конъюнктурой рынка на момент поставки (27). Кроме того, мощнейшее влияние на будущий рынок энергоресурсов окажет развитие новой технологии добычи сланцевой нефти и газа. Согласно некоторым прогнозам, добыча сланцевой нефти и газа позволит США уже в недалеком будущем обеспечить свои потребности в углеводородах (3).

Несмотря на кажущееся относительное благополучие, прогнозы неутешительны. Так, по мнению аналитиков банков «Citi-group» и «Morgan Stanley», замедление роста крупнейших экономик мира приведет в конце концов к циклическому сдвигу в глобальной экономике и завершению цикла высоких цен на сырье, и прежде всего – на энергоносители. Десятилетний суперцикл «дорогой нефти» подходит к концу. Так уже было несколько раз: как только расходы на нефть достигали 6% мирового ВВП, рост экономики замедлялся, и спрос на энергоносители падал. Когда рынки дойдут до этой точки, сырьевой пузырь лопнет, цены упадут, а рост снова ускорится. При этом жертвой лопнувшего нефтяного пузыря станет прежде всего Россия.

Общий объем инвестиций в сырье в последние пять лет удвоился, в 2011 г. он составлял более 400 млрд. долл. Так возник и раздулся до невероятных размеров спекулятивный пузырь на сырьевых рынках: сегодня ежедневный объем торговли энергетическими фьючерсами в 25 раз превышает ежедневный мировой спрос на энергоносители. Но рост цен на основное сырье, такое как нефть, приводит к росту издержек бизнеса и населения, такой рост становится тормозом для мировой экономики. Всем рецессиям в американской экономике, как правило, предшествовал заметный рост цен на нефть. Скачок цен на нефть воспринимается как большой налог, а последующее снижение – как облегчение бремени. Поэтому конец нефтяного бума станет хорошей новостью для мировой экономики.

«Сыревая мания» привела к росту огромных состояний, которые сконцентрированы в энергетическом, преимущественно в

нефтяном секторе. При прогнозируемом развитии событий они понесут значительные потери, но их убытки обернутся доходами потребителей по всему миру. Перемены, считают аналитики, будут невероятно драматичными и масштабными. Сырьевые пузыри – худший вид пузырей: когда они лопаются, капитал просто разрушается, исчезает, а общество остается без тех активов, которые оно инвестировало в нефть. Изменится ландшафт мировой экономики: разбогатевшие на продаже сырья страны, вроде России и Бразилии, потеряют существенную часть своих доходов, а импортеры сырья, США, Китай, Индия или даже Турция, получат новые преимущества за счет дешевеющих ресурсов. Резкое снижение нефтяных цен приведет к росту западных экономик, которые активно тратили на импорт сырья, и освободит капитал для более продуктивных секторов (23).

Среди нефтедобывающих стран можно видеть различные стратегии в отношении сырьевой экономики. Одна из них заключается в том, чтобы постоянно откладывать часть нефтяных доходов на будущее, в антикризисные фонды и «фонды будущих поколений». Так поступает, например, Норвегия, причем независимо от текущей цены на нефть. Другое направление – инвестирование доходов в другие сектора, создание нефтеперерабатывающих предприятий, научных центров, развитие строительной индустрии, т.е. вложения в другие источники доходов (примером могут служить страны Ближнего Востока).

В первые годы XXI в. бюджетная политика России ознаменовалась известной стабилизацией и стратегией консолидации доходов. Хотя расходы государственного бюджета росли быстрее, чем доходы, бюджет до 2009 г. был положителен, государственный долг сократился со 100% ВВП в 1999 г. до 8% в 2009 г. В 2003–2008 гг. были созданы значительные резервы за счет консолидации доходов от экспорта углеводородов сначала в Стабилизационном фонде, а затем в Резервном фонде и Фонде социального обеспечения. Теперь же зависимость России от цен на нефть, обеспечивающую две трети российского экспорта и половину доходов государства, несет в себе среднесрочный риск. По оценкам экспертов, при росте цены нефти на 2% в год дефицит федерального бюджета может достигнуть 10% ВВП к 2025 г., если налоговая нагрузка и экономический рост останутся на сегодняшнем уровне и если правительство профинансирует все предусмотренные на ближайшие 5–7 лет программы (32, с. 11).

Для России чрезмерные нефтяные доходы могут означать рост предложения валюты на внутреннем рынке, что вызывает укрепление рубля, в результате чего импорт становится дешевле, а экспорт становится невыгодным. Под натиском доходов от нефти и газа средний эффективный курс рубля в 2011 г. увеличился по отношению к 2000 г. более чем на 75%, а импорт вырос с 164,2 млрд. долл. в 2005 г. до 413,8 млрд. долл. в 2011 г. (11).

Вместе с тем одной из основных проблем российской бюджетной системы остается недостаточность средств, направляемых на финансирование инфраструктуры и человеческого капитала. По сравнению со средними показателями по ОЭСР Россия расходует меньше на образование (1,5–2,0% ВВП), здравоохранение (3–4% ВВП), защиту окружающей среды (0,5–1% ВВП) и инфраструктуры (2–3% ВВП) (32, с. 12).

Опасности однобокой сырьевой экономики усугубляются более общей проблемой, выражющейся в кризисе всей традиционной индустриальной структуры отечественной экономики, сложившейся еще в советский период, но по-прежнему сохраняющей свои основные черты вопреки слабым попыткам модернизации. В настоящее время основные производственные фонды страны устарели более чем на 50%. Большинство действующих предприятий находятся на четвертом технологическом укладе, лишь около 10% достигли пятого. Между тем развитые страны мира готовятся к переходу на шестой технологический уровень. Все это является еще одним важным доводом в пользу сбережения и реинвестирования значительной части ресурсных доходов в экономику.

Ресурсы труда – плюсы и минусы

Сказанное выше о природных ресурсах полностью применимо и к такому важнейшему виду экономических ресурсов, как ресурсы рабочей силы. Прежде всего, важно то обстоятельство, что, как и богатство природных ресурсов, дающее обилие природной ренты, дешевая рабочая сила (при условии, что она «своя») дает экономике лишь кратковременное (до повышения уровня жизни) конкурентное преимущество. Россия же таким преимуществом не обладает.

Сегодня конкурентное преимущество не сводится только к факторам производительности и затратной эффективности. Новую роль приобретает фактор качества труда. Очевидно, что он не поддается квантификации и измерению, но возможно, что сам резуль-

тат конкурентоспособности отражает в той или иной мере этот фактор, причем совокупный итог всех видов труда, включая труд как в сфере самого производства, так и в сфере исследований и разработок, организации производства и управления.

Качество труда как фактор конкурентоспособности

Существует целый ряд определений качества труда, хотя следует отметить, что в отечественной литературе исторически большее распространение получила категория качества рабочей силы, которая, на наш взгляд, отражает лишь один из аспектов качества труда, а в определении последнего доминировал чисто операционный подход.

Так, Ю.В. Яременко и С.А. Белановский определили качество труда как строгое соблюдение работниками технологических требований. По их мнению, низкое качество труда выражается в нарушении технологической дисциплины и ведет к низкой производительности труда и эффективности хозяйства. Вместе с тем, существенно расширяя это определение, они отмечают, что качество труда работников – это проекция на микроуровень макроэкономических условий, складывающихся под влиянием большого числа взаимосвязанных народнохозяйственных факторов, совокупное влияние которых формирует качественные характеристики трудовой деятельности работников (30, с. 14).

В то же время качество рабочей силы в обобщенном виде понимается как отражение определенного уровня развития профессионально-квалификационных качеств человека, позволяющих выполнять определенные виды труда в условиях существующей технологии производства. При этом мерилом качества рабочей силы выступают такие показатели, как общеобразовательный и квалификационный уровень работника, его профессиональная пригодность, что проявляется в качестве труда и его производительности (10, с. 43).

Для западной традиции характерно более широкое толкование категории качества труда, ее связь с факторами, влияющими на качественные характеристики производственной деятельности человека и свойства рабочей силы, включение в их число личностных и морально-этических составляющих, что представляется весьма существенным. Так, еще Дж. С. Милль, рассматривая эту категорию в широком плане, подчеркивал, что на эффективность и качество труда влияют нравственные черты работников и их ин-

теллектуальное развитие (15). В известной работе К.Р. Макконнелла и С.Л. Брю также дается широкое определение качества труда, ее авторы отмечают, что его характеристиками являются не только образование и подготовка, но и здоровье, решительность, отношение к труду (13).

М. Каз, проанализировав множество определений качества труда и их эволюцию, пришел к выводу, что по мере углубления исследований элементный состав этой категории становится все более сложным. В нем выделяются следующие «устойчивые совокупности свойств» (7, с. 49):

- экономические (характеризуют потенциальные возможности работника, реальные затраты энергии и конечные результаты его труда);
- личностные (фиксируют личные возможности и стремления);
- организационно-технологические (отражают особенности организации производства);
- социокультурные (отражают смысловые комплексы, на которые ориентируется любое социальное действие).

Характер изменения объема понятия «качества труда» отражает, по мнению профессора М. Каза, «факт осознания исследователями более сложной, чем предполагалось ранее, структуры мотивационной системы человека – понимания роли в ней социокультурных феноменов как механизмов перевода воздействий внешнего мира во внутреннюю систему представлений человека» (7, с. 50).

Эта эволюция исследовательских подходов отражает в то же время изменение отношения к труду и отношений между предприятием и наемными работниками в результате изменения как содержания и организации труда, так и методов управления предприятием. Для нас важно то обстоятельство, что современный подход к качеству труда в более широком контексте, включающий многие аспекты, относящиеся к человеческому фактору, позволяет по-новому связать качество труда с проблематикой экономической конкурентоспособности.

На сегодняшний взгляд качество труда – экономическая категория, отражающая как результативность трудовой деятельности, с одной стороны, так и свойства работника, возможности, полноту его реализации как личности – с другой. Существует немало факторов, действующих на качество труда. Среди них важную роль играют как внешние факторы, условия, обеспечивающие производственные процессы и способствующие качествен-

ному и производительному труду, в том числе инженерно-техническое и организационное обеспечение, технологическая дисциплина, трудовые отношения, условия труда и отдыха, вложения в коллективный человеческий капитал, так и внутренние характеристики и свойства работника, его знания, умения, уровень образования и квалификации, отношение к труду, социокультурные факторы, инвестиции в его индивидуальный человеческий капитал.

Качество труда как комплексное понятие охватывает такие составляющие, как качество рабочей силы, мотивация к труду и общая культура труда. При этом важно, что между всеми компонентами качества труда существуют как прямые, так и обратные связи, ибо несомненно, что, например, состояние экономики через уровень жизни, доступность благ оказывает влияние на труд.

К этому следует добавить такой важный и имеющий также огромное самостоятельное значение фактор, как качество управления. Эмпирических подтверждений этого факта достаточно, и вот одно из них. Ученые Стэнфордского университета, Гарвардской школы бизнеса и Лондонской школы экономики провели обследование более 8 тыс. фирм в 20 странах с целью выяснить масштабы и результаты применения передовых методов управления, составляющих, по общему мнению, основу эффективного менеджмента. Их вывод состоит в том, что качество управления существенно отражается на состоянии национальной экономики. Так, обследование показало, что качество управления почти на четверть определяет существующее 30%-ное отставание Европы от США по производительности (33, с. 77).

Можно поставить вопрос и таким образом, что качество труда как интегральное понятие охватывает и качество управления, поскольку без улучшения управления невозможно обеспечить высокое качество труда. Нельзя не учитывать то обстоятельство, что инновационная экономика требует более качественного управления (требования к управлению существенно возрастают) и даже, как отмечают некоторые специалисты, более качественной власти. Но это требование далеко от того, чтобы быть удовлетворенным. Качество управления на всех уровнях играет важнейшую роль в обеспечении качества труда и в целом эффективности деятельности, и эта та область, о которой достаточно хорошо известно, много говорится, но все еще мало делается.

Качество труда складывается из качества рабочей силы и условий труда, его организации. Так, высокое качество рабочей силы (например, в сфере науки или наукоемкого производства) может

не реализовываться в высококачественный труд без соответствующих условий. При этом низкое качество труда даже при низкой его стоимости не делает соотношение цена–качество конкурентоспособным и инвестиционно привлекательным.

Важнейшую роль играют такие составляющие качества труда, как, во-первых, профессиональная квалификация, умения, навыки работника, и во-вторых – желание работать качественно и эффективно, т.е. мотивация. Иначе говоря, в понятие качества труда следует включить также характер сознательного отношения работника к труду, такие его характеристики, как добросовестность, усердие и обязательность.

Все большую роль как компонент качества труда играет и будет играть в дальнейшем образование – как общее, так и специальное.

С уровнем образования связан и еще один важнейший фактор – культура труда. Именно культура труда как набор моральных принципов и ценностных установок определяет мотивацию к качественному труду. При низком состоянии профессионального образования, с одной стороны, и нравственного состояния общества – с другой трудно ожидать высокого качества труда.

Культура труда предполагает присутствие в той или иной степени интеллектуального компонента труда, или творческого отношения к труду, независимо от его конкретной формы, что находит отражение в совершенствовании процессов и результатов труда.

Культура труда представляется наиболее сложным и устойчивым, инертным явлением во всем ряду рассматриваемых факторов. Она складывается на протяжении многих лет и даже столетий, и для своего изменения также требует значительного времени и усилий. В связи с этим приходится признать, что сформировавшаяся и демонстрирующая живучесть несмотря на смену экономических моделей, устойчиво сохраняющаяся в стране культура труда далеко отстает от требований сегодняшнего дня и проигрывает как фактор международной экономической конкурентоспособности. Изменение ситуации возможно также прежде всего через систему образования и воспитания, с помощью систематического внимания к формированию высокой культуры в целом. Изменение культуры труда – комплексная задача, требующая совместных усилий экономистов, политологов, психологов, педагогов и деятелей культуры.

Попытка показать роль нравственного мотивационного фактора в подъеме производительности и экономической эффективности сделана в другой работе (16). Здесь лишь отметим, что решение

лежит в плоскости обучения (в том числе профессионального), но не только. Не следует забывать и о нравственном воспитании, значимом с точки зрения мотивации.

В современном производстве происходит сложная и комплексная эволюция взаимосвязанных элементов – содержания и организации труда и методов управления предприятием и, как следствие, отношения к труду и отношений между предприятием и наемными работниками. Креативный класс расширяется за счет вовлечения в него новых слоев и элементов. Сегодня нужны не такие работники, которыми надлежит жестко управлять, а личности, способные действовать творчески и совместно с другими в рамках реализации общих задач. Поэтому старое предприятие, функционировавшее в соответствии с принципами «фордизма», жесткой координации и специализации, вынужденно отходит в прошлое. Однако даже западные специалисты жалуются на то, что «методы менеджмента отстают от этой эволюции» (40, с. 39).

Поскольку сегодня результативность производства в большей степени связана со способностью к реагированию и инновациям, первостепенное значение приобретают вовлеченность работников и плодотворная работа коллективов, способность мобилизовать различные компетенции работников и интегрировать их в предприятие, проект, команду. Эта эволюция меняет отношение работников к труду, который становится не только средством заработка, но и источником развития и формирования личности.

Трудовая мотивация – также весьма сложное, комплексное явление. Оно включает далеко не только наличие материальных стимулов, выраженных как в денежной форме, так и в форме материальных благ, становящихся доступными благодаря труду, но и тот или иной набор моральных стимулов (поощрения, благодарности, награды, продвижения и т.п.). Она связана с некоторым глубинным отношением к труду как таковому, независимо от прочих обстоятельств, т.е. состоит собственно во «внутреннем» этическом, нравственном отношении к труду. В этом и состоит, по всей видимости, трудовая этика в дополнение к этическому отношению к другим людям, сотоварищам по труду. Следовательно, качество труда недостижимо без этического, нравственного воспитания, складывающегося на протяжении поколений. Таким образом, и здесь мы видим невозможность быстрого решения проблемы с помощью неких неотложных мер или законодательных инициатив и необходимость долговременной и упорной просветительной и воспитательной работы.

Помимо этих факторов свою роль играют также состояние рынка труда и его история. Применительно к отечественной экономике здесь важно полное отсутствие конкуренции в сфере занятости на протяжении нескольких десятилетий планово-директивной экономики, в том числе планово-директивной занятости.

Высокий уровень трудовой этики и культуры труда создает высокую эффективность, но этот уровень не есть атрибут конкретной организации, а является принадлежностью общества. То же относится и к уровню конкуренции. Одна, взятая сама по себе организация может попытаться создать, хотя и с большим трудом, конкурентную организационную культуру, мотивирующую своих сотрудников и создающую условия для подъема эффективности, но более эффективные организации создает общий уровень конкуренции.

Результативность труда, таким образом, представляет собой комплексное явление, отражающее: а) производительность труда (количественный элемент, натуральный или стоимостной, складывающийся из капиталовооруженности, энерговооруженности, механизации, автоматизации и организации труда) и б) качество труда – качественный элемент, в свою очередь зависящий от квалификации и мотивации (усердия) в труде. Производительный труд может быть некачественным (делать быстро и негодно, примеров слишком много), и наоборот, качественный труд может быть медленным, индивидуальным (труд ремесленника, художника и т.п.).

Роль производительности труда хорошо известна, недаром экономические сопоставления конца XX в. строились на сравнении темпов роста производительности труда. Так, «экономическое чудо» Японии объяснялось во многом именно высокими темпами роста производительности труда, опережавшими США, страну, лидировавшую по этому показателю. Этой же проблеме было посвящено много экономических исследований (например, Дж. Кендрика, Э. Денисона, С.Г. Струмилина, В.М. Кудрова). В последнее время эта тема несколько утратила остроту, но никак не для отечественной экономики. Почему? Этот вопрос заслуживает внимания. Возможно, что комплексная автоматизация и роботизация производства во многих отраслях обрабатывающей промышленности привела к известной нивелировке этого показателя в передовых странах, стремящихся не отстать друг от друга, а темпы роста стабилизировались в периоде времени, соответствующем сложившемуся на данный момент технологическому укладу производства в ожидании инновационного перехода к следующему большому циклу.

С точки зрения международных сопоставлений производительность труда представляет собой важнейший показатель эффективности экономики, а ее рост – важнейший фактор повышения конкурентоспособности. Более того, ее опережающий рост представляет собой важнейшее условие перехода к инновационной модели экономики.

По производительности труда Россия сильно отстает от стран ОЭСР – часовая производительность российского рабочего составляет лишь 43% соответствующего показателя в передовых странах (36, с. 3). Более того, низкий уровень производительности труда сопровождается опережающими темпами роста заработной платы в ряде отраслей, особенно в сфере услуг. Как отмечают специалисты, тенденция к увеличению разрыва между ростом зарплаты и ростом производительности, если она будет развиваться и впредь, может существенно ослабить конкурентоспособность российской экономики (39).

В течение 1990-х годов производительности труда в России непрерывно снижалась, в 2002 г. ее уровень по ППС снизился к 1990 г. почти на 20% и составлял 20% от уровня США. Несмотря на существенный рост производительности труда в последующий период (за 2000–2006 гг. она выросла почти на 44%, что выше показателей таких стран, как США, Великобритания, Япония), в абсолютных показателях она по-прежнему значительно отстает (9, с. 142–143).

В России, по справедливому замечанию В.М. Кудрова, традиционно низкая производительность труда осложняет формирование зрелой рыночной экономики. Согласно его оценкам, уровень народнохозяйственной производительности труда в России сегодня (как и в советские времена) ниже, чем в США, в 4–5 раз, и чем в Западной Европе – в 3 раза, а в некоторых отраслях этот разрыв намного больше (12, с. 42).

Однако, как отмечает В.М. Кудров, внимание к этому фактору и в науке, и в государственной политике в последнее время явно ослабело. Показатель производительности труда исчез из официальной статистики, не находит должного отражения в производственной практике. Многие российские предприятия вообще не заинтересованы в росте производительности труда. Согласно опросам, 68% промышленных предприятий в России считают свою производительность труда «нормальной» и лишь 25% оценивают ее «ниже нормы». Между тем только 9% российских предприятий

могут успешно конкурировать на мировом рынке и еще 25% – на внутреннем (12, с. 47).

В свое время в соответствии с инновационным сценарием развития экономики правительством РФ была поставлена задача обеспечить рост производительности труда в ведущих секторах в 3–5 раз. Такой рывок необходим, но он невозможен без качественных изменений, без решения назревших и острых проблем в институциональной и социальной сферах, без подключения мощных факторов и масштабных вливаний в человеческий капитал.

Как считают, например, Н.Я. Петраков и др., в российских условиях высокую производительность труда может дать только «европейский» подход к рабочей силе, т.е. ставка не на дешевизну рабочей силы, а на ее квалификацию, инновационность, производительность. Приоритетной на данном этапе должна быть ориентация на внутренний рынок (масштабное импортозамещение) при необходимой компенсации рисков и издержек этой стратегии за счет расширения внутреннего рынка (путем региональной экономической интеграции и развития платежеспособного спроса со стороны государства, бизнеса, населения, пересмотра условий хозяйственной деятельности внутри страны при рациональном проекционизме в отношениях с остальным миром), а также опирающегося на развитие инфраструктуры (19, с. 69).

Как отмечает в своем прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. Минэкономразвития РФ, конкуренция с другими странами в рамках глобального разделения труда потребует не менее 1,5-кратного повышения производительности труда к 2015 г. К 2020 г. в социальной сфере намечен переход к модели «эффективного контракта», планируется разработать 800 профессиональных стандартов, а реформа рынка труда будет направлена на создание 25 млн. новых высокопроизводительных рабочих мест (21).

Таким образом, значимость проблемы качества труда, по всей видимости, не снижается в глобальном масштабе, что особенно важно для российской экономики. Важно, что российская экономика далека от желательных темпов развития в этой области. Так, итоги функционирования российской экономики в последние годы (после кризиса 2008 г.) характеризуются ухудшением положения как по абсолютным, так и по качественным показателям, частичным оправданием чему служит глобальный экономический кризис. За этот период цели принятой ранее правительством Концепции долгосрочного развития не были достигнуты, более того,

произошло резкое снижение производительности труда, являющейся одним из целевых показателей этой концепции (2, с. 507).

«Сегодня российскую экономику часто называют невосприимчивой к инновациям, зачастую считается, что человеческий капитал не играет существенной роли в экономическом развитии России, так как квалифицированный труд оказывается мало востребованным, а основной объем производства завязан на сырьевые отрасли» (4, с. 212). Низкий спрос на квалифицированный труд вызывает «утечку мозгов», которая свидетельствует о том, что их труд не нужен обществу.

Россия не может конкурировать, например, с Китаем и Индией по стоимости трудовых издержек, поэтому ей нужно делать упор на качественные факторы производства. Это, как пишут Ю.С. Емельянов и А.А. Хачатуян, «тяжелейшая проблема, ведь сегодня конкурентоспособных производств за пределами отраслей нефти, газа, металлургии и оборонной промышленности у нас очень мало. Мы должны добиваться того, чтобы капитализация человека в России возрастила и приносила стране дивиденды с этого капитала, тем более сейчас, в эпоху глобальной конкуренции. Сегодня перед нашей страной стоит задача не просто провести модернизацию, но и создать в экономике мощный человеческий инновационный потенциал. От решения этой задачи будет зависеть, какой станет структура российской экономики в будущем, какова будет наша хозяйственная культура» (4, с. 213).

Пока качество труда невысоко, конкурентоспособными будут только те товары, конкурентоспособность которых, т.е. потребительные свойства, надежность, технологичность и т.д., не зависит от этого параметра, для конкурентоспособности которых это качество не играет решающего значения. Именно поэтому самой высокой отраслевой конкурентоспособностью в отечественной экономике обладают сырьевые отрасли, прежде всего нефтяная, газовая, металлургическая, а ниже всего она в машиностроении (за исключением продукции ВПК), легкой, медицинской промышленности (12, с. 47).

На это обстоятельство обратили внимание, например, В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, отметившие, что добывающие технологии относительно просты и не предъявляют высоких требований к человеческому капиталу, являясь в то же время относительно капиталоемкими. Поэтому вложения в добычу не создают сильных экстерналий для других отраслей, мало сказываясь и на приращении новых знаний, и на повышении квалификации работников (18, с. 9).

Именно это обстоятельство и определяет роль сырьевых отраслей для такой экономики с низким уровнем качества труда. Ведь свойства нефти, газа, угля, а также и ресурсов, проходящих лишь первичную обработку (металл, химикаты), не зависят от того, какого качества труд приложен к ним. Неважно, как, каким способом выкачать нефть, выкопать руду или спилить дерево, их качество не зависит от качества приложенного труда, зависит только его производительность. Но чуть глубина передела увеличивается, как этот фактор начинает проявляться (бензин, древесина). При любой их дальнейшей обработке необходимо приложить труд, качество которого будет сказываться на всех последующих стадиях создания конечного продукта. Легче экспорттировать сырой лес, чем даже первичные пиломатериалы, поскольку это проще и не зависит от конкурентоспособности по качеству. Поэтому так велики масштабы сырьевого экспорта и с таким трудом внедряются обрабатывающие производства.

Вопрос о месте в системе международного разделения труда сводится, таким образом, к вопросу о международной конкурентоспособности национальной экономики и далее в качестве одного из факторов к проблеме качества труда. Если сегодня конкурентоспособными являются добывающие, первичные сектора, отрасли низших по сравнению с передовыми технологических укладов, то чтобы выйти из этого порочного круга и встать на мировом рынке в ряд ведущих держав, необходимо изменить основное звено – труд и положение человека труда в социоэкономической системе.

Роль образования

В современной глобальной экономике преимущества как по производительности труда, так и в области конкуренции получают страны, имеющие высокий образовательный уровень населения и пользующиеся высоким качеством труда, что позволяет развивать наукоемкие производства и осваивать новый технологический уклад, основанный на нанотехнологиях, информатике, биотехнологиях, новых материалах и т.п.

По формальным показателям уровень образования населения России среди самых высоких в мире, что, кстати сказать, является одним из немногих факторов, привлекательных для российского инвестиционного климата. Значение достигнутого уровня образования (индекса образованности), определяемого как степень грамотности взрослого населения и охвата населения начальным,

средним и высшим образованием, в России выше среднемирового значения и соответствует уровню таких стран, как Великобритания, Нидерланды, Норвегия, США, Финляндия, Швеция. По доле лиц с высшим и послевузовским образованием Россия уступает только США, Норвегии и Нидерландам, причем этот показатель продолжает расти (28, с. 46).

Вместе с тем по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) Россия пока уступает странам – членам ЕС. Здесь этот индекс равен 0,817, тогда как, например, в Австрии – 0,955, в Румынии – 0,837, в Латвии – 0,866. В списке из 28 стран Россия занимает последнее место (24, с. 45). В рейтинге Всемирного экономического форума Россия занимает 82 место среди 142 оцениваемых стран как по качеству образовательной системы, так и по активности профессионального обучения персонала (11). Очевидно, что важная проблема заключается в качестве образования и соответствии его структуры потребностям экономики и общества.

За последние десятилетия доля специалистов с высшим и средним профессиональным образованием среди экономически активного населения России неуклонно возрастала, что говорит о повышении среднего уровня образования работников и, следовательно, качества рабочей силы. Однако, как отмечают российские исследователи, вопрос об эффективности ее использования остается открытым, поскольку сложившаяся система образования не соответствует требованиям, предъявляемым к ней современной экономикой. Вместе с тем данные опросов предприятий свидетельствуют о наличии острой проблемы нехватки квалифицированной рабочей силы. Квалифицированные рабочие являются наиболее востребованным ресурсом, за ними следуют специалисты высшего уровня квалификации. При необходимости формирования инновационной экономики, предполагающей более высокий уровень знаний, увеличение доли занятых с высшим образованием рассматривается как положительное явление. Однако важна и структура подготовки в рамках различных образовательных уровней системы (26, с. 131). Эти острые проблемы вызывают дискуссии и постановку вопроса о проведении соответствующих реформ, которые, однако, все еще далеки от требуемой обоснованности и целевой направленности.

Принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих сферу образования РФ (Национальная доктрина образования до 2025 г., Федеральная целевая программа развития образования, Концепция модернизации российского образования, документы Болонского

процесса и др.). Сформирована модель интернационализации национальной системы высшего образования, которая направлена на более широкое и эффективное использование научно-технического потенциала и является составной частью Концепции социально-экономического развития на период до 2020 г., призванной обеспечить перевод научно-промышленного потенциала России на инновационный путь развития.

Отмечается, однако, что в настоящее время в Российской Федерации отдельные вопросы, касающиеся воспроизводства рабочей силы, решаются обособленно, при отсутствии системного подхода. К таким вопросам относят демографическую политику, политику занятости, образовательную политику, молодежную политику, политику в области культуры, экономическую политику в целом. Вместе с тем мировой опыт говорит о том, что воспроизводство кадрового потенциала – задача не только системы образования, но и всего общества, затрагивающая многие аспекты его деятельности. Важнейшим стратегическим направлением создания инновационной экономики является формирование новой профессионально-кадровой структуры общества. Особенно это касается научно-технических кадров, креативного потенциала, создающего инновации. Однако сложные проблемы воспроизводства, отсутствие комплексного подхода к их решению остаются причинами существующего дисбаланса на рынке труда (26, с. 135–136). Анализ, проведенный рядом исследователей, показывает необходимость разработки четкой государственной программы подготовки специалистов на основе экономического спроса и качественного совершенствования всей системы образования в стране.

По мнению специалистов, для усиления инновационного эффекта на смену классическим университетам должны прийти университетские комплексы инновационного типа с тесной взаимосвязью по линии «наука – образование – инновации», что позволит реализовать в деятельности российских вузов такую современную тенденцию мирохозяйственного развития, как инновационность. Увеличение объемов финансирования высшей школы в целом и отдельных вузов в частности должно быть сопряжено с увеличением государственного финансирования, расширением объемов научно-исследовательских работ по заказам бизнес-структур, поиском внешних, в том числе и зарубежных инвесторов (31).

Еще и еще раз необходимо подчеркнуть, что ключ к инновационной экономике лежит в сфере образования, а уровень образования и квалификации – это факторы, слагаемые в общую харак-

теристику человеческого капитала. Кроме того, важно, что объем ресурсов рабочей силы, их производительность зависят как от демографических факторов, от профессионально-квалификационной подготовки, так и от здоровья населения, т.е. организации и эффективности системы общественного здравоохранения, его доступности и качества.

Трудно переоценить роль человеческого капитала для создания инновационной экономики. Качество труда есть практическая реализация человеческого капитала, поэтому всякие вложения в человеческий капитал работают на качество труда.

Улучшение качества труда и человеческого капитала, а значит и решение задач модернизации, требуют серьезного реформирования сфер образования и здравоохранения. Это означает необходимость соответствующей переориентации инвестиционных потоков. При распределении бюджетных расходов приоритет должен отдаваться в первую очередь тем направлениям, которые связаны с накоплением человеческого капитала, а также необходимо заботиться о повышении эффективности расходов, создавать стимулы для получения образования и использования высококвалифицированных специалистов в отраслях экономики.

Современные расходы на здравоохранение и образование в России в совокупности составляют примерно 10% ВВП. А нужно, по оценкам специалистов, как минимум 14–15% ВВП только государственных расходов (22, с. 111).

Ясно, что путь к высокому качеству труда лежит через образование, притом через весь спектр его элементов, т.е. проблема может быть решена с помощью целенаправленных инвестиций в человеческий капитал. Огромная роль в этом принадлежит профессиональному образованию. При этом, как показывает зарубежный опыт, отсутствие или недостаточное развитие государственной системы профессионального образования во многих высокоразвитых странах восполняется наличием особых структурных подразделений по производственному обучению персонала в каждой сколько-нибудь крупной фирме и тщательно разработанной системы подготовки с учетом специфики и потребностей конкретного производства.

В области профтехобразования необходима ориентация в направлении сосредоточения на нуждах самого производства. Здесь следует учесть и то обстоятельство, что кроме развития соответствующей системы образовательных институтов, техникумов и т.п. без систематической подготовки на производстве не обойтись.

Именно так поставлено дело за рубежом, в развитых странах. Каждая фирма имеет программу как обучения новых работников, так и повышения квалификации имеющихся, и тратит на это значительные средства. Зачастую дело поставлено таким образом, что все вновь принимаемые на работу занятые прежде всего проходят через соответствующие курсы обучения (см., например, 34; 37). Этот опыт подробно описан в многочисленной литературе.

Расходы на внутрифирменное обучение, как правило, коррелируют с расходами на НИОКР. Если в развитых странах преимущественным источником финансирования НИОКР выступают промышленные фирмы (например, в США на их долю приходится 67–70% совокупных ассигнований), то в России доля промышленности находится на уровне 6–10% всех расходов на НИОКР, что говорит о низкой научкоемкости производства, замедленном обновлении оборудования и о недопустимо низком уровне квалификации рабочих (17, с. 27).

Поскольку Россия, как известно, вступила в период сокращения численности экономически активного населения, и на смену проблеме безработицы приходит проблема недостатка квалифицированных работников, модернизации требует и сам рынок труда. Сегодня одна из проблем российского рынка труда – низкая мобильность трудовых ресурсов, причем как в территориальном, так и в отраслевом разрезах. Отсюда возникает еще одна задача – развивать не только подготовку по востребованным профессиям, но и переобучение для работы по специальностям, пользующимся спросом на рынке труда.

Международное сотрудничество

Международное сотрудничество в области образования и науки играет большую роль и как форма участия научно-исследовательского и учебного потенциала России в важнейших процессах, происходящих в мировой науке, на мировом рынке образовательных услуг, и одновременно как важный механизм развития этого потенциала, улучшения качества научной и образовательной сферы и инновационной системы страны. Такое сотрудничество развивается по многим направлениям, таким как обмен специалистами, исследователями, студентами и информацией, осуществление совместных программ и проектов, формирование лидерских сетей и стратегических альянсов и т.д.

С теоретической точки зрения необходимость международного сотрудничества объясняется процессом глобализации мировой экономики, который, вовлекая все новые сферы и отрасли национальных экономик в систему международных экономических отношений, привел к коммерциализации услуг высшего образования, интенсификации международного взаимодействия по поводу производства, распределения, обмена и потребления образовательных услуг как условий обеспечения растущего спроса на знания и человеческий капитал в мировом хозяйстве, играющих ключевую роль в создании инновационной экономики (31).

Как отмечает профессор Манчестерской школы бизнеса Дж. Хоуэллс, конкуренция за привлечение специалистов в глобальном масштабе становится существенной перспективной тенденцией в развитии НИР. Один из аспектов глобализации НИР заключается в обострении проблемы обеспеченности квалифицированными специалистами и техническим персоналом в свете демографических тенденций и структуры университетского образования. Этот фактор уже стал важнейшим для размещения инвестиций в НИР. Имеет место положительная корреляция между численностью ученых и инженеров с университетским образованием в стране и притоком иностранных инвестиций в сферу НИР, и значение этого фактора будет увеличиваться (35, с. 241).

Исследователи указывают на такой интересный с точки зрения процессов глобализации и технологического трансфера феномен, как интернационализация образования. Это проявляется в увеличении числа студентов, обучающихся за пределами своих стран, в росте числа университетов, открывающих в других странах свои филиалы и предоставляющих офшорные академические программы, в создании совместных учебных заведений на двусторонней и многосторонней основе, в разработке единых требований и стандартов. По данным ЮНЕСКО в 2007 г. свыше 2,8 млн. студентов обучались за пределами своих стран, что на 53% больше, чем в 1999 г., и в три раза больше, чем в 1980 г. Предполагается, что к 2025 г. число таких студентов возрастет до 7,2 млн. человек (17, с. 67–68).

Объем международного рынка образовательных услуг оценивается в настоящее время в 50–60 млрд. долл. в год. Безусловным лидером являются США, в вузах которых учатся 22% получающих образование в зарубежных странах. Далее по данному показателю следуют: Великобритания – 11%, ФРГ – 10, Франция – 9, Австралия – 6, Канада – 5%. Доля России составляет менее 2%

(17, с. 68). Сравнение «импорта» и «экспорта» образования в отдельных странах показывает, что здесь лидирует Германия, второе и третье места занимают Великобритания и Австралия.

Как отмечает Г.К. Никольская, интернационализация образования может способствовать решению двух стратегических задач – привлечению в страну квалифицированной рабочей силы и получению дополнительных средств для образовательных учреждений. Однако есть и другие положительные моменты для принимающей иностранных студентов страны. Так, обучение иностранных студентов, аспирантов, стажеров является важным каналом формирования научно-технического потенциала. Многие выпускники остаются работать в стране, где проходили обучение. Кроме того, сейчас большинство стран рассматривают участие в международном образовании как инструмент внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности (17, с. 68).

Интенсификации международного обмена в области образовательных услуг способствуют мероприятия по систематизации международных нормативно-правовых актов, проводимые ООН, ЮНЕСКО, ВТО, ОЭСР и др. В рамках «Всемирного плана межвузовского сотрудничества и академической мобильности», принятого на 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г., действует программа «УНИТВИН / Кафедры ЮНЕСКО», которая на сегодняшний день насчитывает более 800 кафедр ЮНЕСКО и сетей УНИТВИН в 166 странах. Они представляют собой важнейший вид междисциплинарной деятельности в области образования, которая включает в себя подготовку специалистов, проведение научных исследований и международный обмен преподавателями, а также служит платформой для обмена информацией в области науки, образования и культуры. Примером налаженного обмена по линии межуниверситетского сотрудничества может служить конкурс на участие обучающихся СПбГУ в 2013–2014 уч. г. в программах обмена, реализуемых в рамках межуниверситетских соглашений.

Действует целый комплекс международных соглашений РФ о сотрудничестве в сфере образования, в том числе многосторонние соглашения в рамках СНГ, Шанхайской организации сотрудничества, международных организаций (ЮНЕСКО, МОТ, ОЭСР), Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским сообществом и государствами-членами и др., десятки двусторонних соглашений РФ со странами Европы, Азии, Америки. Как говорится в Меморандуме о взаимопонима-

нии между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования США о расширении сотрудничества и обменов в области образования, «стороны расширяют сотрудничество и развиваются партнерские связи между различными учебными заведениями России и США, отражающими достижения образовательных систем обоих государств. Это взаимодействие дополняет существующие программы, включая программы обменов, и способствует созданию новых программ по мере дальнейшего развития взаимоотношений» (14).

Проблема для России заключается в том, что место, которое она занимает на международном рынке образовательных услуг, далеко не соответствует тому мощному образовательному потенциалу, которым она обладает. В то же время развитие программ международных обменов в системе образования может способствовать решению важных для России задач, в том числе внедрению новых образовательных технологий, новых форм и методов обучения, созданию условий для возвращения российских ученых, работающих сейчас в других странах.

Россия, обладая значительным потенциалом в сфере высшего образования, существенно отстает от передовых стран как по уровню интеграции образовательных услуг в мировом хозяйстве, так и по уровню научного и инновационного эффекта от национальной системы высшего образования для социально-экономического развития страны. В то же время передовые страны, создавшие высокоеффективные национальные системы высшего образования, вносящие существенный вклад в инновационную экономику, являются, как пишет Н.С. Яровая, «безусловными лидерами как в производстве и экспорте, так и в импорте образовательных услуг и инноваций, что позволяет им извлекать существенные выгоды из международного разделения труда в области образования» (31). По ее мнению, усиление конкурентных позиций российских вузов на мировом рынке образовательных услуг может быть обеспечено посредством постоянной адаптации организационно-экономических и структурных параметров их внешнеэкономической деятельности к изменениям мирохозяйственной, национальной и внутривузовской среды, разработки методических оснований выбора приоритетных направлений, видов и форм внешнеэкономической активности вузов.

Исследования показывают, что выгоды, получаемые страной от расширения открытости национальной системы высшего образования, реализуются в виде увеличения доходов, интенсификации

инноваций, повышения качества подготовки специалистов, сближения национальной нормативно-правовой базы, стандартов и качества высшего образования с мировыми, развития международной инфраструктуры образовательного процесса и др.

Фактор трудовой миграции

Вопрос о трудовых ресурсах и их качестве связан с демографической проблемой и вопросом о трудовой миграции. Последний в силу своей специфики зачастую оказывается вне сугубо экономических исследований, но не должен ускользать от внимания при рассмотрении экономических проблем развития. Вместе с тем вопрос о трудовой миграции нередко рассматривается довольно поверхностно с точки зрения потребности в рабочей силе, а также благоприятного или неблагоприятного отношения к нему со стороны коренного населения, между тем как его значение и последствия значительно глубже и серьезнее.

Большинство прогнозов динамики численности населения России, подготовленных различными центрами и международными организациями, фиксируют одну тенденцию – сокращение абсолютной численности населения и численности населения трудоспособного возраста. По данным 2010 г. Россия занимала 9-е место в мире по численности населения (142 млн. человек). По некоторым прогнозам, к 2050 г. население России может составить 112 млн. человек – это 17-е место в мире (25, с. 9). Согласно прогнозам ООН, за последующие 50 лет население Российской Федерации сократится на 18%, с 147 млн. до 121 млн. (29, с. 10). Экономический аспект этой проблемы состоит в том, что страну может ожидать дефицит трудовых ресурсов, интенсивное старение населения.

Решению проблемы могут способствовать комплексные меры демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости, поддержку семьи, а также сокращение смертности. Как показывают расчеты С.В. Рязанцева и Н. Хорие, на этой основе можно ожидать к 2015 г. повышения суммарного коэффициента рождаемости до уровня, близкого к 1,7, и увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения до 70 лет (в среднем для обоих полов) (25, с. 19). К мерам той же направленности можно отнести и продуманную миграционную политику, состоящую в привлечении квалифицированных и необходимых категорий мигрантов.

В настоящее время трудовая миграция представляет значительное по масштабам и последствиям явление. По данным ФМС

России, количество оформленных разрешений на работу в 2010 г. составило 1,2 млн., но величина фактической трудовой миграции в Россию значительно больше. Иностранная рабочая сила привлекается в Россию более чем из 140 стран мира. Крупнейшими поставщиками иностранных рабочих являются страны Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан), некоторые другие страны СНГ, а также Китай, Турция, Вьетнам (25, с. 23, 24). На российском рынке труда иностранные трудовые мигранты востребованы, прежде всего, как работники низкой квалификации в строительстве, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве и на транспорте. Есть примеры и противоположного свойства: иностранный высший менеджмент, занятый в банковском сегменте, страховании, коммерции, промышленности, преимущественно происходит из развитых стран мира (США, Японии, государств Европы).

С точки зрения сиюминутных интересов легальная трудовая миграция имеет ряд позитивных социально-экономических эффектов для России как принимающей страны. Рабочие-мигранты заполняют многие «непrestижные ниши» на рынке труда с тяжелыми условиями работы. За счет иностранных мигрантов развиваются целые отрасли экономики. Наглядным примером является строительная отрасль в крупных городах России, рост которой связан с использованием дешевой рабочей силы из-за рубежа. Согласно оценкам, трудом рабочих-мигрантов создается 8% ВВП России (25, с. 31).

Острота демографической проблемы в России побуждает к серьезному переосмыслению ситуации, поиску технологических решений, адекватных современному этапу развития инновационной экономики. Однако и здесь в наличии готовый и простой выход, сходный по своим последствиям с «голландской болезнью» ресурсной экономики – приток фактически неограниченного количества дешевой рабочей силы из стран с низким уровнем доходов. Такая ситуация наносит огромный вред. Дело в том, что отсутствие такой ресурсной проблемы означает возможность для экономики существовать без роста производительности труда, уровень которой на сегодняшний день в России (как это было и в СССР) в сравнении с передовыми странами недостойно низок, существовать без замещения капиталом труда и соответствующих инвестиций, без технологического прогресса, без инноваций. Это экономика, где нет внутренней потребности в инновациях, а есть попытки их внедрения за счет административного давления сверху. Но весь опыт плановой экономики уже продемонстрировал бесплодность такого подхода.

Дешевизна национальных ресурсов труда как фактор конкурентоспособности имеет свойство быстрого истощения в результате общего подъема экономики и уровня жизни, что происходит сегодня в Китае и заставляет его искать новые модели роста и конкурентоспособности на основе тех же инноваций. Этого нельзя сказать о ресурсах, притекающих извне, поскольку этот источник может быть достаточно долговременным.

При этом оплату труда можно рассматривать с экономической точки зрения как величину, определяющую трудовые затраты на производстве или объем платежеспособного спроса, но никак не качество труда. Размер вознаграждения может служить результатом, но не мерилом качества труда, скорее наоборот, качество труда должно выражаться в его вознаграждении.

Приток гастарбайтеров, безусловно, снижает в среднем качество труда, не говоря о его производительности («среднее по больнице»). Зачастую убедиться в этом можно даже с помощью самого поверхностного наблюдения. Но проблема не только в этом, и далеко не только в коррупционной составляющей этих процессов.

Дело в том, что вред, оказываемый неограниченным притоком дешевых ресурсов труда, оказывается по меньшей мере двояким. Во-первых, это его влияние на экономику, ее инновационность и эффективность. И во-вторых, это последствия с точки зрения мотивации труда и трудовой морали.

Приток дешевой рабочей силы подавляет стимулы к замещению капиталом труда и, следовательно, служит препятствием для технического прогресса, перевооружения производства и роста производительности труда. Барьеры, ослабляющие стимулы к инновациям, имеют место тогда, когда ожидания полезности внедрения инноваций низки по сравнению с альтернативными возможностями выбора (6, с. 140). Дешевизна ресурсов представляет именно такой отрицательный фактор. Особенно наглядно это проявляется в коммунальном хозяйстве и строительстве. Одновременно экономика страны лишается платежеспособного спроса, который она генерирует, потому что он (в той или иной мере) выводится за границу, что также препятствует развитию производства и потребления внутри страны.

Например, в Таджикистане денежные переводы, поступающие от трудовых мигрантов, главным образом из России, превышают 45% ВВП страны, в Молдавии – 40% ВВП, в Кыргызстане – 35% ВВП. Причем денежные суммы могут проходить как через официальные каналы (банковскую систему, системы денежных

переводов, почту), так и через неформальные и не учитываемые каналы. В 2010 г. объем денежных переводов из России в различные страны составил 12,8 млрд. долл. США, в том числе 11,1 млрд. долл. направлено в страны СНГ (25, с. 33).

Есть еще один весьма острый социальный и гуманитарный аспект этой проблемы. Рабочие-мигранты живут в плохих условиях, получают гораздо меньшую заработную плату, подвергаются эксплуатации со стороны работодателей, повсеместно нарушаются их трудовые и человеческие права. С.В. Рязанцев и Н. Хорие указывают на фактическое формирование сегмента принудительного труда в некоторых отраслях российской экономики. Из-за демпинга цен на труд часть местных работников теряет стремление и желание искать работу в ряде отраслей, а работодатели теряют интерес к найму местных работников.

Для исправления сложившейся ситуации предлагается реализовать целый ряд мер законодательного и административного характера, прежде всего в области учета и регистрации иностранных рабочих и т.п., но все они не затрагивают суть проблемы, ее качественную сторону.

В то же время в России практически не используются резервы внутренней трудовой миграции и безработных. Более эффективное использование собственных трудовых ресурсов могло бы несколько снизить потребности России в иностранной рабочей силе. И все это происходит на фоне исчезновения сельских поселений и усиливающейся миграции из малых городов. Какая судьба ожидает этот трудовой ресурс – борьба за существование или превращение в двигатель экономического роста – важнейший вопрос, связанный в том числе с готовностью крупных городов к его принятию, асимиляции и качественному использованию. Ученые полагают, что в течение ближайших 20 лет из малых городов России может высвободиться порядка 15–20 миллионов человек (1).

Таким образом, мнение о том, что российской экономике, для того чтобы справиться с дефицитом трудовых ресурсов и старением населения, понадобится огромное количество иммигрантов, представляется скороспелым и не учитывающим долгосрочную перспективу и возможности демографической политики. Однако решающим фактором должно стать воспитание и образование креативного и талантливого младшего поколения. Но и этого недостаточно. По мнению Р. Флориды, чтобы добиться реального успеха, России, подобно многим другим промышленно развитым странам, необходимо научиться использовать глобальные потоки

таланта. Российские города должны приобрести прочный статус городов мирового класса, чтобы привлекать квалифицированных профессионалов из-за рубежа и удержать местные таланты от соблазна найти себе более подходящий креативный климат (29, с. 10).

Наличие источников дешевой рабочей силы при отсутствии притока капитала означает замораживание и даже возможную деградацию существующих методов производства. При наличии благоприятного инвестиционного климата и эффективных стимулов для привлечения капитала, как отечественного, так и иностранного, ресурсы рабочей силы, напротив, служат предпосылкой и стимулом для инвестиционной активности, организации новых производств и успешной конкуренции на мировых рынках. Это достаточно активно показывает пример Китая.

Однако условием реализации такой модели является развитие профессионального образования и переподготовки персонала. В противном случае неквалифицированная рабочая сила вольется в наименее продуктивные отрасли и сферы экономики и послужит фактором торможения их перевооружения и модернизации.

Список литературы

1. Архипелаг Россия: В ожидании варваров. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20121025/265126603.html
2. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: Крах либер. утопии и шанс на «экон. чудо». – М.: Изд. дом «Экон. газ.», 2011. – 575 с.
3. Добыча сланцевой нефти и газа позволит США в ближайшие годы обеспечить себя углеводородами. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/news/1005850-echo.html>
4. Емельянов Ю.С., Хачатурян А.А. Человеческий капитал в модернизации России: Институционал. и корпоратив. Аспекты. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 414 с.
5. Жилина И.Ю. «Сырьевая экономика» и экономический рост // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2009. – № 1: Экономический рост в России: Глобальный контекст. – С. 81–108.
6. Загадки экономического роста: Движущие силы и кризисы – сравнительный анализ. – М.: Мысль, 2012. – 510 с.
7. Каз М. Лакуны в структуре экономического знания и неклассическая рациональность // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 6. – С. 45–63.
8. Как избежать ресурсного проклятия / Под ред. Хамфриса М., Сакса Д.Д., Стиглица Д.Ю. – М.: Институт Гайдара, 2011. – Режим доступа: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=3492>

9. Конкурентоспособность национальной экономики: Регионально-отраслевые аспекты оценки / Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2011. – 409 с.
10. Краснопевцева И.В. Влияние качества рабочей силы на уровень производительности труда / Тольятт. гос. ун-т. – Самара, 2008. – 181 с.
11. Кудрин А. Чего мы ждем от нового правительства // Экономическая политика. – М., 2012. – № 2. – Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/policy/2012_2/kudrin.pdf
12. Кудров В. Экономика России: Сущность и видимость // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2009. – С. 39–48.
13. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономика: Принципы, проблемы и политика. – М.: Республика, 1992. – Т. 2. – 400 с.
14. Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. – Режим доступа: http://минобрнауки.рф/министрство/68/файл/914/МС_Образование.pdf
15. Мильль Дж.С. Основы политической экономии. – М.: Прогресс, 1980. – Т. 1. – 495 с.
16. Минервин И.Г. Культура и этика в экономике: Социокультурные факторы экономического роста / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – 244 с.
17. Новые явления в мировом обороте технологий: Место России / Под ред. Э.В. Кириченко. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 116 с.
18. Полтерович В.В., Попов В.В., Тонис А.С. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия»: К VIII Международ. конф. «Модернизация экономики и обществ. развитие», 3–5 апр. 2007 г., Москва / Гос. ун-т – Выс. шк. экономики и др. – М., 2007. – 98 с.
19. Проблемы развития рыночной экономики / Петраков Н.Я., Цветков В.А., Соловьева С.В. и др.; Под ред. Цветкова В.А.; РАН. Ин-т пробл. рынка. – М., 2011. – 279 с.
20. Путин назвал семь нерешенных проблем российской экономики. – 2012. – 29 июня – Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/9421013/?frommail=1>
21. Россия достигнет статуса ведущей мировой державы к 2030 году – МЭР. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/11788573/?frommail=1>
22. Россия и мир: В поисках инновационной стратегии: гайдаровский форум – 2011: Материалы международной научно-практической конференции, 16–19 марта 2011 г. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ и др. – М.: Дело, 2011. – 447 с.
23. Россия станет жертвой лопнувшего нефтяного пузыря. – Режим доступа: <http://finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=2970177&nt=&p=1&sec=0>
24. Рыбаков Ф.Ф. Промышленная политика России: история и современность. – СПб.: Наука, 2011. – 189 с.
25. Рязанцев С.В., Хориев Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: Экономико-социологическое исследование / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. и др. – М.: Науч. мир, 2011. – 189 с.

26. Семеко Г.В. Профессиональное образование и рынок труда в России: Проблемы взаимодействия // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 2: Социальные факторы экономического роста. – С. 125–155.
27. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>
28. Суркова С.А. Стратегия формирования профессионально-кадровой структуры для экономики знаний // Экономика образования. – М., 2009. – № 4. – С. 37–56.
29. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2011. – 430 с.
30. Яременко Ю.В., Белановский С.А. Проблемы повышения качества труда // Экономика. Демография. Статистика. – М.: Наука, 1990. – С. 14–26.
31. Яровая Н.С. Направления интегрирования российских вузов в международный обмен образовательными услугами в условиях глобализации: адаптивный подход. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/napravleniya-integrirovaniya-rossiiskikh-vuzov-v-mezhdunarodnyi-obmen-obrazovatelnymi-usluga#ixzz2E8FGIgZ3>
32. Aleksashenko S. Les défis de l'économie russe // Problèmes écon. – P., 2012. – N 3041. – P. 5–12.
33. Bloom N., Sadun R., Van Reenen J. How three essential practices can address even the most complex global problems // Harvard business rev. – Boston, 2012. – Vol. 90, N 11. – P. 77–82.
34. Graupp P., Wrona R.J. The TWI Workbook: Essential skills of supervisors. – N.Y.: Productivity press, 2006. – XXVI, 197 p.
35. Howells J. New directions in R&D: current and prospective challenges // R a. D management. – Oxford, 2008. – Vol. 38, N 3. – P. 241–252.
36. Kramer A.E. Russian economy slow to recover, World bank says // The New York Times. Business. Global business. – N.Y.; M., 2012. – 27 March. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2012/03/28/business/global/russian-economy-slow-to-recover-world-bank-says.html>
37. Pettigrew A., Massini S., Numagami T. Innovative forms of organizing in Europe and Japan // Europ. management j. – Oxford, 2000. – Vol. 18, N 3. – P. 259–273.
38. Ploeg van der F. Natural resources: Curse or blessing? // J. of econ lit. – Nashville, 2011. – Vol. 49, N 2. – P. 366–420.
39. Reinvigorating the economy // The World bank in Russia. Russian economic report. – Wash., 2012. – N 28. – Mode of access: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/10/10/000333038_20121010010923/Rendered/PDF/731210NWP0Russ0sed0100901200ENGLISH.pdf

40. Roger B. La «grande déformation» de l'entreprises par la pression financière // Problèmes écon. – P., 2012. – N 3036. – P. 36–40.
41. The world economy // Nat. inst. econ. rev. – L., 2012. – N 220. – P. F10–F31.
42. Yao X., Watanabe Ch., Li Y. Institutional structure of sustainable development in BRICs: Focusing on ICT utilization // Technology in soc. – N.Y. etc., 2009. – Vol. 31, N 1. – P. 9–28.